

НАБОКОВ ОСВОБОЖДАЕМЫЙ

Чем созидатель должен пожертвовать ради известности? Как надлежит поддерживать творческую активность, некогда сравниваемую грекоязыкими варварами с атлетической подготовкой [5. С. 1345]? Но главное, какова тактика спасения писателя, чья посмертная судьба оказалась в лапах идеологов-ортодоксов определённого периода? На эти вопросы призван ответить данный отрывок моего будущего труда.

Настал момент вернуть свободу наследию Владимира Набокова, тотально несоответствующему меркам лож многочисленных университетских Прокрустов, уже не одно десятилетие пытающих Набокова ради его «нормализации» – придачи рекламной приглядности для выгодной продажи жертвы доктринальных измышательства. Не кто иной, как сам Набоков на пути к успеху американского писателя заклал собственное прошлое русского литератора-нищсеанца [3. С. 31], такова причина того, что в послевоенную пору его *неполиткорректное* мировоззрение прорывалось лишь в строго завуалированном виде [4. С. 65-66]. Ведь прорывом с туземными издателями, но даже невозможностью натурализации, в процессе которой требуется перманентное восхваление демократии; а почти полувековой Набоков – «бесплотный пленник» с нансенским паспортом вряд ли мог долго довольствоваться участием апатрида. Так, например, если Фридриху Ницше, как всякому уважающему себя эллинисту и читателю Платона («Фέρε δὴ, τίς τρόπος τυραννίδος, ὃ φίλε ἑταίρε, γίγνεται; ὅτι μὲν γὰρ ἐκ δημοκρατίας μεταβάλλει σχεδὸν δηλον» [16. С. 33]), демократия представляется общественным источником тиранической деградации человека (« Die Gesamt-Entartung des Menschen ... » [14. С. 127]), то и Набоков, в своём псевдоавтобиографическом романе, завершённом букваль-

но за несколько лет до переселения в США, выражает презрение к демократии, следуя своему немецкоязычному воспитателю: «Вообще, я бы завтра же бросил эту тяжкую, как головная боль, страну (...) где из тумана какой-то скучнейшей демократической мокроты, – тоже фальшивой, – торчат всё те же сапоги и каска ...» [6. С. 315]. Желудок беженца-нищенца 30-х годов инстинктивно отторгает демократию, и Набоков не находит нужным скрывать свою физиологическую реакцию от читателей *Современных записок*.

Но вот приходит время благоденствия, а значит и переводов *Дара*, чьи отрывки уже становятся желательными литератору-карьеристу, гражданину Североамериканских Соединённых Штатов. А потому, хоть шестидесятидвухлетний [7. С. 9] пурист Набоков, проживая в Монтрё, – то есть постоянно совершенствуясь во французском языке, наречии знакомом ему с детства, – не мог не заметить сознательной ошибки переводчика, переиначившего опасную для парижского издателя «мокроту» («vomissures», сказал бы Рембо) в куда более нейтральную «мокроту» («D'une manière générale, j'abandonnerais ce pays demain – opprimant comme un mal de tête – où l'on a toujours la même botte et le même casque crevant la brume de la plus monotone des humidités(sic) démocratiques...» [7. С. 516-517]), он допускает насилие над своим текстом. Стоит подчеркнуть, Набоков переводчикам не доверял, тщательнейшим образом вычитывая в особенности англо-французские версии своих книг: «Cette chanson a été adaptée en français par l'auteur ...» [2. С. 99], – и биографы предоставляют немало примеров поэтического абсолютизма Набокова. Однако писателю известно: малейшее прегрешение перед завезённой в Европу из Нового Света религией «толерантности», одной из догм которой является «демократия», может стоить ему ссылки в издательско-журнальное Чистилище, и потому, несмотря на свои творческие заслуги, предпочитает не рисковать, *проглядев* ошибку «Галлимара».

Далеки те времена, когда Набоков, идя на риск, сталкивал в бездну, по совету Заратустры [15. С. 262], идиолов «либеральной интеллигенции» своей эпохи. Тогда речь шла вовсе не о педоманской псевдо-агрессии *Лолиты*, – квази единодушно поддержанной истеблишментом 50-х, – а о нескрываемом имморализме 30-х, отлично понятном современниками: конечно, Набоков не доходит по получения стипендии от Муссолини, или радиотрансляции своего восхищения Гитлером, как автор *Христа и Антихриста*. Но всё-таки он осмеливается не только на «волевою субстанцию» [9. С. 443], почерпнутую из дискурсов канцлера недавно покинутого Рейха, но даже характеризует вождя немцев термином, где столь мало личной ненависти, «бедным Адольфом» [9. С. 443], и впридачу именуется свой рассказ *Ultima Thule*, воспроизводя название оккультного общества, растворившегося в Третьей Германской Империи, наделив её своей *Weltanschauung*. Вспомним, Набоков – преемник той позабытой неманихейской *par excellence* эпохи, когда этническое или же идеологическое противостояние никоим образом не воздвигало творческих барьеров, и когда, например, еврей Марсель Пруст мог получить Гонкуровскую премию исключительно благодаря поддержке одного из лидеров откровенно антисемитской *Action Française* – Леона Доде. К тому же Набокову – автору четвёртой, подвергнутой *Современными записками* цензуре, главы *Дара*, – известно: минуя стадию разрушения устоев, таланту не превратиться в гения, ибо он всегда пребудет скован слишком человеческими кандалами тех, дальше мнения которых он некогда не осмелился пойти. Но однажды поправ табу, созидатель до смерти осполнен преступного пламени.

Обо всём этом лучше не упоминать, принимая коллективное участие в покладистой продаже набокских произведений, рекламируя их в прессе и её филиале – Университете. Так, ещё при жизни Владимира Набокова заключается журналистско-профессорский пакт, согласно которому писателя представляют с книжными салонами, при всеобщем восхищении его платьем, выводят голого Solus Rex – Набокова «демократа», «антирасиста», «ненавистника нацизма». Когда же, с июля 1977 года, гонорары автора *Дара* и *Лолиты* оказываются в руках его наследника, Дмитрия, *политкорректный* терроризм достигает акме. С этого момента всякое отклонение от «генерально-коммерческой линии» каралось наклеиванием – от лица усопшего Владимира Набокова! («I know what the Nabokov Estate is doing or not doing, because I AM the Nabokov Estate.» [11]) – ярлыка «фашизма» [12], означавшего вовсе не принадлежность к итальянскому политическому футуризму, но отказ от участия в групповой рекламе продаваемого товара. Всякий отказавший стать сидельцем в лавке «набоковедения» провозглашался, натурально, первейшим врагом самого Владимира Набокова: «No. 1 annihilator of Vladimir Nabokov.» [11].

Впредь каждая неугодная цитата Набокова, наносившая убытки торговле, подвергалась нещадной цензуре замалчиванием её в университетских публикациях и газетных статьях. А учёный, осмеливающийся даже в наши дни посвящать труды некупеческому набокведению, становится жертвой клеветы членов пост-коммунистических профсоюзов, тесно сотрудничающих с выдрессированными «исследователями» Набокова, рефлекторно не выносившего современную форму александрийской культуры («Я презираю коммунистическую веру как идею низкого равенства, как скучную страницу в праздничной истории человечества, как отрицание земных и неземных красот, как нечто, глупо посягающее на мое свободное „я“, как поощрительницу невежества, тупости и самодовольства.» [10.С.646]): «La thèse en a gardé les caractéristiques, notamment une forte subjectivité et l'implication personnelle de l'auteur [A. Livry] dans le débat, ou plutôt le combat qui oppose, selon lui, Nabokov/Nietzsche et la "légion" des "graphomanes socratiques" (lesquels sont accusés de toutes les médiocrités, à commencer par le démocratisme).» [1. С. 2].

Так как же расковать Набокова от цепей «специалистов» – прямых наследников злейших недругов писателя, противоборствуя коим тот создал свой стиль и образы своих романов?

Во-первых, следует предоставить сократическим диалектикам свободу самоуничтожения – дело, с которым они, увлечённые погоней за прибылью и, как писал Марк Аврелий, «вербальными аплодисментами», великолепно справляются в процессе своего бесцельного существования: публикация черновиков *Лауры* тому прекрасный пример. Напомню, в конце 2003 года «Набоков ницшеанец» был объявлен среди функционеров набоковедения сюжетом *non gratum* («... "Nabokov nietsheanets" Livry is trumpeting is a rehashed old term paper.» [13]); более того, тщательное сокрытие Набоковым своего ницшеанства стало работой университетским служащим, не владеющим во всех тонкостях русским, английским и французским языками, необходимыми любому набоковеду, а также избавившим себя от вчитывания в Ницше по-немецки с неизбежным разбором греческих текстов в оригинале: «набоковедам»-коммерсантам позволялось низводить до своего уровня сверхсложного автора. Но вот появляется *Лаура*, чьей публикацией Дмитрий Набоков преступно приоткрыл завесу созидания, являющегося кропотливым ремеслом, зодчеством, цель коего замаскировать святое, сделать его недоступным ленивому взору празднующего дерптского структуралиста. И в параграфе 133 *Лауры* мы находим улику тщательных ницшеанских изысканий Набокова, переписывающего по-английски притчи Заратустры: «Искусство самоубоя. (Литературное приложение к «Тайме», 16.1.76). „Ницше полагал, что человек чистой воли... должен признавать, что ему положено умирать в положенное время“.» [8. С. 23]. Вся эта тактика засекречивания информации ради передачи её исследователю будущего ни в коем случае не должна была оказаться на виду у непосвящённых, а моим трудам о «Набокове ницшеанце» предназначалось вечно подвергаться нападкам университетской черни (и я бы предпочёл это!), находившейся в услужении у того же Дмитрия Набокова, которому, однако, перед смертью ... вдруг понадобились деньги: «Le diable porte pierre», говорят франкоязычные ценители комической теологии.

Но и на этом предательстве бизнес-стратегии «набоковедения» не завершается ужас академического подёнщика. Ведь те же напечатанные черновики открывают нам, что Набоков, за полтора года до своей смерти вспоминая слова своего учителя Ницше, интересовался собратом по перу, Юкио Мишимой, завершившим жизнь реальным воспроизведением «Пролога» *Заратустры* вкупе с попыткой монархического переворота через возвращение императору реальной власти. В шестьдесят первой сноске *Лауры* мы находим: «Цитата из «Этикета смерти», обстоятельного разбора Роджером Скрутоном книги Ивана Морриса «Трагические герои в истории Японии». В этой статье, которую Набоков, очевидно, внимательно прочитал (следующий абзац тоже основан на цитате оттуда), идет речь о японском культе самоубийства при личном поражении, причем отдельно рассматривается ритуальное самоубийство Мишимы (см. прим. 23).» [8. С. 23]. Другими словами, Владимир Набоков, легкомысленно презрев будущие доходы сына, позволяет себе вдохновение судьбой японского ницшеанца, автора драмы *Мой друг Гитлер*, которую другие купцы от литературы не знали как продать, пока не провозгласили сценический дифирамб во славу «Вакха Национальной Революции», Эрнста Рёма, «антифашистской песней».

Однако, пассивное ожидание очередных *quiproquo* набоковедения, ведущих к самоуничтожению сократической культуры явно недостаточно. И кому-то надлежит пожертвовать собой, возможно осмелившись пройти по стезе разрушения много дальше изучаемого автора, дабы увлечь грядущие поколения профессионалов-читателей, – как есть солдаты элитных спецподразделений, – на реконквисту писательской свободы, которую *post-mortem* ожидает не один Набоков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Clément F. Paris IV – Sorbonne. « Rapport du CNU, 13e Section ». – Paris, 19 juin 2013.
2. Kahane E.H. in Nabokov V. *Lolita*. – Paris, Gallimard, 1959.
3. Livry A. Nabokov le nietzschéen. – Paris, Hermann, 2010.
4. Ливри А. Физиология Сверхчеловека. – Ст.-П.: Алетейя, 2011.
5. Lucien. *Les Histoires vraies*. – Paris, Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade, 1958.
6. Набоков В.В. Дар в Собрании сочинений в четырёх томах. – М.: Правда, 1990, т. 3.
7. Nabokov V. *Le Don*. – Paris, Gallimard, traduit par Raymond Girard, 1992.
8. Набоков В.В. *Лаура* и её оригинал. – М.: Азбука, 2009.
9. Набоков В.В. *Ultima Thule* в Собрании сочинений в четырёх томах. – М.: Правда, 1990. – Т. 4.
10. Набоков В.В. Юбилей в Собрании Сочинений Русского Периода в пяти томах. – Ст.-П.: Симпозиум, 1999. – Т. 2.
11. Набоков Д. «Письмо в редакцию «The Moscow Times», опубликованное на форуме Nabokv-l 24-го марта 2005.
12. Набоков Д. «Письмо, опубликованное на форуме Nabokv-l» 20-го марта 2004.
13. Набоков Д. «Письмо, опубликованное на форуме Nabokv-l» 4-го октября 2004.
14. Nietzsche F. *Jenseits von Gut und Böse in KSA, Band 5*. – Berlin New York, Walter de Gruyter, 1989.
15. Nietzsche F. *Also sprach Zarathustra in KSA, Band 4*. – Berlin New York, Walter de Gruyter, 1989.
16. Platon. *La République, 562 a*. – Paris, Les Belles Lettres, 1989,